

Образ «героя» в Японии во время Второй мировой войны

А. Н. Мещеряков

Аннотация. Несмотря на различия в конкретных исторических обстоятельствах, любая война порождает героев (или же убивает их). Эти герои, и прежде всего их канонические образы, призваны дать примеры для восхищения, воодушевления, подражания, скорби. Поскольку такие примеры нужно предоставить как можно скорее, герои появляются уже в самом начале войны вне зависимости от ее хода. Поскольку Япония во Второй мировой войне потерпела поражение, а сама война на официальном уровне была признана в итоге «несправедливой», имена тех людей, чьи имена были на устах во время войны, после ее окончания оказались преданы забвению.

Мы анализируем образы героев, которые подверглись наибольшему прославлению непосредственно во время войны. В первую очередь нас интересовал именно образ героя, а не его реальные действия и реальная биография, которые и по сей день являются во многих случаях предметом для дискуссий. Однако эти дискуссии возникали уже в послевоенное время. Они остаются за пределами нашего внимания — точно так же, как и изменения в трактовке образа героев, происходившие в послевоенное время. Что до синхронного восприятия героев, то оно определялось прежде всего официальными версиями событий, растиражированными в газетах и радиопередачах и подхваченными затем публицистами, литераторами, кинематографистами, песенниками и т. д. И именно эти версии существовали в массовом сознании как непреложные факты.

Чрезвычайно важным представляется следующее обстоятельство. Совершившие тот или иной героический поступок люди во многих случаях признавались «героями» не сразу. В подобных случаях у создателей образа героев (армейского руководства, пропагандистов) имелось некоторое время, чтобы обдумать, кого следует назначить на эту роль, какие качества героев следует выдвинуть на первый план. Таким образом, создание культа героя было процессом не стихийным, а контролируемым. В условиях военного

времени кандидатов на роль героя имелось не так мало. Однако по тем или иным причинам героями в масштабе всей страны признавались лишь немногие. Разумеется, нельзя сбрасывать со счетов и фактор случайности, но тем не менее мы попытались выделить набор параметров, которые могли повлиять на процесс выбора героя из ряда кандидатур. Содержание этого набора поможет нам лучше понять природу конструкции, которую принято называть «японским тоталитаризмом».

Ключевые слова: Япония, Вторая мировая война, культ героев.

Автор: *Мещеряков Александр Николаевич*, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, профессор Института классического Востока и античности Высшей школы экономики, 105066, Москва, ул. Старая Басманная д. 21/4, стр. 3.

E-mail: meshtorop@yahoo.com

ORCID: 0000-0001-6004-5743

The Image of a «Hero» in Japan during World War II

A. N. Meshcheryakov

Abstract. Despite differences in specific historical circumstances, any war generates heroes (or kills them). These heroes and their canonical images provide examples for admiration, inspiration, imitation, and sorrow. Since such examples should be provided as soon as possible, heroes appear at the very beginning of the war, regardless of its course. Since Japan was defeated, and the war itself was officially recognized as “unfair”, the names of those people who were admired during the war were forgotten after its end.

We analyze the images of heroes who were most glorified during the war. First of all, I keep my eye on the *image* of the hero, and not his real actions and biography, which are still the subject of discussion in many cases. However, these discussions arose in the post-war period. They remain outside my attention — just like the changes in the interpretation of the image of heroes that occurred in the post-war period. As for the synchronous perception of heroes, it was determined primarily by official versions of events, replicated in newspapers and radio broadcasts, and then picked up by publicists, writers, cinema makers, songwriters, etc. And these versions existed as immutable facts for most Japanese.

In many cases, people who committed a certain heroic act were recognized as “heroes” not immediately but after some time had passed. In such cases, the creators of the image of heroes (army leadership, propagandists) had time to think over who should be appointed to this role and what qualities of heroes should be brought to the fore. Thus, the creation of a hero cult was not a spontaneous process, but a controlled one. There is no doubt that, in wartime, there were many candidates for the role of a hero. However, for one reason or another, only a few were recognized as heroes nationwide. I will try to highlight a number of features that could affect the process of selecting a hero from a number of candidates. The contents of this set will help to understand better the nature of what is commonly called “Japanese totalitarianism”.

Keywords: Japan, Second World War, hero cult.

Author: *Meshcheryakov Alexandr N.* Professor, senior researcher, Institute of Classic East and Antiquity of Higher School of Economics. 105066, Moscow, 21/4 Staraya Basmannaya street, building 3.

E-mail: meshtorop@yahoo.com

ORCID: 0000-0001-6004-5743

Среда, порождающая героев (проблема единства народа)

Японско-русская война 1904–1905 гг. позиционировалась с обеих сторон прежде всего как столкновение двух армий, чему, помимо всего прочего, способствовало то обстоятельство, что ее ареной стали территории, не населенные русскими или японцами (населенные ими в ограниченной степени). Однако во время Первой мировой войны идея, что современная война — это противостояние народов, стала преобладающей. К началу Второй мировой войны в этом сомневались только немногочисленные ретрограды-гуманисты. Спаянность нации считалась решающей предпосылкой военного успеха. В этом отношении Япония находилась в «благоприятных» условиях, ибо единство японского народа не вызывало сомнений.

Великая японская империя провозглашалась государством древним, а нынешние японцы — наследниками японцев седой древности. Государственная идеология строилась на двух основных объединяющих постулатах: все обитатели Японии являются японцами, а все японцы являются подданными императора Хирохито (посмертное имя — Сёва) — прямого потомка родоначальника императорского рода Дзимму, который первым прошел обряд интронизации. В 1940 г.

проходило пышное празднование 2600-летней годовщины этого события. Эти объединяющие факторы представлялись намного более важными, чем реально существовавшие социальные, имущественные, региональные, партийные, возрастные, религиозные и иные различия. Немногочисленные коммунисты и иные диссиденты подвергались преследованиям (но не подлежали физическому уничтожению), однако считалось, что они способны «исправиться» именно потому, что были японцами. Японскому народу приписывались качества, которые решительно возвышали его над всеми другими: мужество, чистоплотность, чувство прекрасного, справедливость [Мещеряков 2020]. Однако главным качеством считалась верность императору и уникальная готовность пожертвовать своей жизнью ради него и родины. Противников такой идеологической конструкции насчитывалось крайне мало.

Исторические события, которые свидетельствовали о внутри-японских конфликтах, подлежали затушевыванию или забвению. Это хорошо видно по списку песен, рекомендованных министерством просвещения для изучения в школе в довоенное и военное время. Первоначально в этом списке имелось несколько произведений, посвященных историческим событиям. За исключением одного все они были связаны с военной историей — как внутренней, так и внешней. Внутренняя история — это средневековые усобицы. Внешняя — Японско-русская война. Все песни, в которых превозносились самурайская доблесть и верность, проявленные в период междоусобиц, были выведены из учебной программы в 1932 и 1942 гг. В то же время сам самурайский дух подлежал прославлению. Его наиболее значимым проявлением считалась Японско-русская война 1904–1905 гг.

В тоталитарной Японии термин «антинародный элемент» (*хико-кумин*) имел достаточно широкое хождение. Он использовался как бранное слово для осуждения тех людей, которые вели себя «неправильно». Обычно оно применялось в воспитательных целях и неофициально. Пресса, соседи и сослуживцы могли называть таким образом гражданских людей, которых подозревали в недостаточном патриотизме, которые, вопреки призывам правительства, вели «роскошную» жизнь, плохо соблюдали светомаскировку, спустя рукава участвовали в противопожарных учениях и т. п. Это могло приводить к остракизму, но не вело, как правило, к арестам и заключению.

Дисциплина и боевой дух японской армии были чрезвычайно высоки. Аналоги штрафных батальонов и заградительных отрядов отсутствовали ввиду отсутствия дезертирства. Попадание в плен считалось ужасным позором. В «Наставлении бойцам» (1941 г.) говорилось: «Попасть в плен живым — стыд, умри без позора с незапятнанным именем». Действительно, японские солдаты редко оказывались в плену, часто предпочитая в случае угрозы пленения покончить жизнь самоубийством. Если японский солдат все-таки попадал в плен, его родственникам обычно направлялось извещение о смерти. Таким образом, пропаганда старалась избежать любого намека на то, что подданный императора в принципе способен совершить неблаговидный поступок. Она предпочитала иметь дело с положительными, а не с отрицательными примерами. Население призывали выявлять шпионов, но их не находилось. За всю войну по политическим мотивам был казнен всего один японец. Это был связной Рихарда Зорге. Представители японской диаспоры за границей расценивались не как предатели, а как потенциальные помощники в борьбе с врагом.

Император позиционировался как олицетворение связи времен, носитель чаемых традиций. Он признавался «живым богом», ему поклонялись, и его «склеивающие» потенции были исключительно велики. Уникальность национального характера и преклонение перед императором оставались стержнями японской идеологии на всем протяжении войны. Следует признать, что японский опыт консолидации нации оказался самым успешным среди крупных стран — участниц Второй мировой войны: в стране не сформировалась сколько-нибудь значимая оппозиция. Существовавшие в национальном монолите «трещины» успешно замазывались, социальные и идеологические противоречия не раздувались, а замалчивались. Все это привело к тому, что подавляющее большинство населения поддерживало правительственную политику, даже если она кажется из сегодняшнего дня откровенно утопической и авантюрной.

Основные герои

Ко времени вступления Японии в Великую восточноазиатскую войну пантеон героев прошлого был сформирован. К их числу относился мифический первоимператор Дзимму, который покорял «варваров» (не принадлежавших к японскому этносу), проживавших на

территории современной Японии. Однако за всю свою длительную историю Япония вела крайне мало внешних войн, так что выбор героев мог совершаться только из немногочисленных precedентов. Официальной целью Восточноазиатской войны было освобождение Азии от колониализма, поэтому прошлые конфликты Японии с азиатскими странами использовались пропагандой лишь ограниченно. И если воины, участвовавшие в отражении двух неудачных попыток монгольского вторжения в конце XIII в., подлежали некоторой героизации, то провальное вторжение войск Тоётоми Хидэёси в Корею в конце XVI в. предпочитали не вспоминать. Герои первой войны с Китаем (1894–1895) также вытеснялись на периферию государственного сознания. Основу пантеона героев образовывали воины, отличившиеся во время Японско-русской войны. Они упоминались в учебниках и прессе, им были посвящены книги, песни, фильмы и спектакли.

Прославление японских героев существенно отличалось от того, как это происходило в западных странах. В Японии не существовало наград (орденов, медалей) за индивидуальные боевые действия. Награды вручались только за участие в тех или иных массовых операциях, когда наград удостаивались все ее участники. За индивидуальные героические действия не повышали и в звании. Такое повышение можно было получить лишь посмертно, и эта практика была достаточно распространенной. Что до интенсивного, но неофициального прославления погибших героев, то пресса именовала самых выдающихся из них «ратными божествами» (*гунсин*). Такое титулование не употреблялось в официальных документах, оно было достоянием массовых средств коммуникации, находившихся в теснейшем контакте с армейским начальством, от которого зависело посмертное «продвижение» героев по службе. Души всех погибших за императора воинов почитались в токийском святилище Ясукуни, и все они имели теоретическое право считаться «ратными божествами», но на деле пресса именовала так только немногих избранных. Предполагалось, что души этих «ратных божеств» помогают живым японцам в военных делах.

Первым «ратным божеством» был признан капитан 3-го ранга Хиросэ Такэо (родился в 1868 г.), погибший 27 марта 1904 г. Во время осады Порт-Артура возглавляемый им брандмауэр подорвался на русской mine и стал тонуть, Хиросэ скомандовал экипажу эвакуи-

роваться на спасательной шлюпке, но вдруг обнаружил, что матрос Сугино Магосити куда-то пропал. Тогда Хиросэ вернулся на тонущий корабль, чтобы отыскать его. Поиски не увенчались успехом, и, когда Хиросэ спускался обратно в шлюпку, он был убит прямым попаданием снаряда. Задачей Хиросэ было затопить брандмауэр в горловине бухты, чтобы закрыть выход русским кораблям в открытое море. Задача не была выполнена. Хиросэ же проявил заботу о подчиненном, хотя и не спас его (считается, что он пошел ко дну вместе с брандмауэром). Тем не менее поведение Хиросэ преподносилось как проявление истинно самурайского духа, когда командир является отцом для своих подчиненных. Другие брандмауэры, участвовавшие в операции, также потерпели неудачу. Сообщения об этой провальной операции появились уже на следующий день, но пресса писала не о провале, а о мужестве моряков (все они были добровольцами), которые пошли на смертельно опасное дело. Поэтому их стали именовать «отрядом смертников» (*кэсситай*). Описание подвига самого Хиросэ было опубликовано 29 марта.

Флот и сухопутная армия находились в Японии в остро конкурентных отношениях. Как и во многих других армиях мира, кадровый состав флота считался более образованным и квалифицированным, но сухопутные войска намного превышали флот по численности. На появление героя-моряка армия ответила созданием своего «ратного божества» — майора (соответствует капитану 3-го ранга) Татибана Сюта (родился в 1865 г.). Он погиб 31 августа 1904 г. в битве при Ляояне. Многочисленные сообщения о его смерти появились 9 сентября. После этого его геройство стало обрастать подробностями. В газетном репортаже («Хоти симбун», 24 сентября 1904 г.) рассказывалось, что во время атаки на русские укрепления Татибана ворвался в лагерь противника и зарубил саблей трех солдат. Однако атака была отбита и пришлось отступить. При этом погибла треть личного состава батальона Татибана. Лежа в окопе, он признался находившемуся рядом старшему унтер-офицеру, что не в силах снести такие крупные потери, понесенные в день рождения наследного принца Ёсихито (будущий император Тайсё), а потому ему следует погибнуть «ради императора и императорской армии». Сказав так, он выпрыгнул из окопа и был убит.

Генерал Ноги Марэсукэ (родился в 1849 г.) командовал осадой Порт-Артура и был признан главным живым героем сухопутных

войск во время русской войны. Однако через семь лет после ее окончания его главным «подвигом» признали не взятие крепости, а ритуальное самоубийство вместе с супругой, последовавшее за кончиной императора Мэйдзи. Мэйдзи скончался 30 июля 1912 г., Марэсукэ сделал себе харакири 13 сентября — в день, когда состоялись похороны императора. Восторженные публикации о самоубийстве появились на следующий день. Это была смерть, возрождавшая древний (и давно вышедший из обихода) самурайский обычай — самоубийство вслед за смертью сюзерена (*дзюнси*). Самоубийство Ноги Марэсукэ истолковывалось также как акт искупления вины по отношению к многочисленным жертвам (включая двух его собственных сыновей) осады Порт-Артура.

После Японско-русской войны появления новых героев пришлось ждать довольно долго. Хотя Япония и участвовала в Первой мировой войне на стороне Антанты, ее вовлеченность оказалась минимальной и не оставила глубокого следа в народной и государственной памяти.

В 1931 г. японская армия приступила к оккупации Маньчжурии. Это вызвало в Китае бурю протестов. 28 января 1932 г. японский десант высадился в Шанхае, где было убито и ранено несколько японских буддийских монахов. Десант не только взял под контроль японский сеттльмент, но и вступил в сражение с войсками Чан Кайши. Во время боев три японских солдата инженерных войск «проявили инициативу» и, действуя по своей воле, 22 февраля обвязали себя взрывпакетами и бросились на колючую проволоку противника, чтобы ценою жизни расчистить путь для наступления. Этих солдат стали называть «тремя героями» (*саньюси*), слава о них распространилась по всей стране. Сообщения об их подвиге появились 24 февраля.

Первыми героями войны против США и Англии стали подводники. Они участвовали в нападении на Перл-Харбор 8 декабря 1941 г. и удостоились титула «Девяти ратных божеств». 19 декабря скупо сообщалось, что пять миниатюрных подводных лодок атаковали американские военные корабли, потопили линкор типа «Аризона» и «не вернулись». Подробные сведения о членах экипажа этих подлодок появились только 7 марта 1942 г. Все девять подводников (четыре офицера и пять младших чинов) погибли. Считалось, что операция была настолько опасной, что они с самого начала не рассчитывали возвратиться живыми. Все они были профессиональными военными. Газетная кампания по возвеличиванию подводников оказалась

беспрецедентной по своему размаху. Обращает на себя внимание существенный временной разрыв между подвигом и развернутыми сообщениями о нем, что свидетельствует о тщательной обдуманности кампании по их прославлению. Такой разрыв не был характерен для прошлого. Важной особенностью смерти подводников было и то, что в отличие от прежних героев у их подвига не оказалось свидетелей, что создавало дополнительные возможности для фантазий.

Руководство сухопутной армии не желало отставать от флота и, как и во время Японско-русской войны, ответило созданием собственного «ратного божества». Им оказался подполковник, летчик-ас Като Татэо (родился в 1903 г.). Его истребитель был сбит в воздушном бою англичанами 22 мая 1942 г. над Бенгальским заливом и упал в море. Но и ему в этом бою удалось сбить английский бомбардировщик. Считалось, что до этого Като одержал более 210 (!) воздушных побед. Кроме личных боевых качеств он обладал талантом командира и возглавлял авиасоединение. Все крупнейшие газеты поместили статьи о нем только 23 августа, то есть, как и в случае с подводниками, кампания была тщательно подготовлена. В публикациях не столько расписывались боевые свершения аса, сколько рассказывалось о человеческих качествах Като, за которые подчиненные называли его «любящим и сострадательным отцом». В этом отношении он походил на Хиросэ Такэо [Ямамура 2007, с. 301–302].

Наиболее высокопоставленным «ратным божеством» стал командующий военно-морским флотом адмирал Ямамото Исороку (родился в 1884 г.). Его имя прочно связывалось с успешной атакой на Перл-Харбор. 18 апреля 1943 г. его самолет был сбит американскими истребителями в районе Соломоновых островов, где он находился с инспекционной поездкой. В последние минуты своей жизни он не совершил никакого подвига, но тем не менее удостоился титула «ратного божества». Сообщения о смерти Ямамото появились спустя месяц после его гибели — 21 мая.

В 1943 г. в ходе успешно начатой войны наметился перелом, и японская армия стала сдавать позиции. Наступило время для оборонительных операций и коллективного героизма, понимаемого как героическая коллективная смерть. Знаковым событием стала массовая гибель более двух с половиной тысяч офицеров и солдат, оборонявших островок Атту на Алеутском архипелаге (выжили и попали в плен только 27 человек). После убийственных американских

бомбардировок и обстрелов оставшиеся в живых японские солдаты (обессиленные от голода, лишенные боезапаса, раненые, контуженные) не сдались. Раненые и больные покончили жизнь самоубийством, а остальные по приказу полковника Ямадзаки Ясуё (родился в 1891 г.) 29 мая пошли в ночную рукопашную атаку, не имея никаких шансов ни на спасение, ни на победу. Публикации о подвиге появились на следующий день. Сообщалось также, что воины полка уничтожили шесть тысяч американских солдат [Яманака 2004, с. 152].

Ямадзаки был признан главным героем этой трагедии, которая трактовалась прежде всего как «победа» японского духа. Всех подчиненных Ямадзаки тоже стали скопом называть «ратными божествами полка Ямадзаки» (*Ямадзаки гунсин бутай*).

Последними военными героями стали камикадзе. Наибольшая слава выпала первым из них — пятерым летчикам из авиаотряда «Сикисима» под командованием капитана Сэки Юкио (родился в 1921 г.). Все они погибли 25 октября 1944 г. в битве в заливе Лейте, где японский флот потерпел сокрушительное поражение. Сообщения о летчиках появились через несколько дней после их гибели. В них говорилось, что летчики (обычно их называли «пятью героями» или «пятью божественными соколами») нанесли большой ущерб вражескому флоту, однако больше всего подчеркивалась жертвенность смертников, которая должна послужить примером для «стомиллионного» японского народа. Предполагалось, что такая жертвенность принесет Японии победу. Впоследствии летчики-камикадзе стали достаточно обыденным явлением (их погибло около четырех тысяч), и их имена уже не обладали такой известностью.

Все вышеупомянутые герои превозносились как образцовые патриоты и верноподданные императора. Все они были посмертно повышены сразу на два звания. Они олицетворяли лучшие качества японского народа и не имели партийной принадлежности (японским военным запрещалось состоять в политических партиях, а в 1940 г. все партии были вообще распущены). Однако принадлежность к кадровому составу играла большую роль (исключение представляют собой «три героя»).

Единственной битвой на собственно японской территории стало сражение за Окинаву, которое состоялось уже в самом конце войны. В связи с этим в японском пантеоне героев отсутствует такая фигура, как партизан. В последние месяцы войны в соответствии с призывами

правительства японцы готовились и к партизанской войне, в которой должно было принять участие практически все население, включая подростков, девушек, женщин и стариков. Всем японцам предписывалось стать смертниками — бросаться на американцев с бамбуковыми пиками, ножами, топорами и т. п. Однако неожиданная для населения капитуляция (15 августа 1945 г.) не позволила сформироваться партизанскому типу героя. В пантеоне героев отсутствовали и женщины. В японской армии служили немногочисленные добровольцы женского пола, но они использовались только во вспомогательных службах (в основном в госпиталях). Зафиксированы случаи, когда женщины высказывали желание пойти на фронт, но их прошения неизменно отвергались [Симамото 2006, с. 122–123], поскольку военная служба не соответствовала гендерным функциям женщин. Японские подростки не сбегали на фронт. Здесь сказалась и дисциплинированность японцев, и то, что фронт находился за морем.

Национальность героя

Япония позиционировала себя как многонациональную страну, что считалось свойством «настоящей» империи. В то же время «ведущая» роль японцев в этой империи не подвергалась сомнению, их миссия заключалась в «окультуривании» окраин. Основными «заморскими» владениями Японии были к началу войны Корея и Тайвань. Корейцы и обитатели Тайваня считались частью населения Великой японской империи, однако именовались «людьми внешних земель» (*гайтидзин*), в то время как этнические японцы обозначались как «люди внутренних земель» (*найтидзин*).

В начале войны «почетной обязанностью» служить в армии обладали только японцы. С 1943 г., когда в ходе войны обозначился перелом, стали призывать и корейцев (до этого могли служить только добровольцы). Однако корейские части играли вспомогательную роль и, как правило, в боевых действиях участия не принимали. Что до выходцев с Тайваня, то служить в японской армии разрешали только добровольцам — террор, развязанный японской армией на континенте против китайцев, делал обязательный призыв тайваньцев китайского происхождения делом весьма сомнительным. Поэтому и добровольцами с Тайваня были в основном не этнические китайцы, а представители племен аборигенов малайского происхождения.

В любом случае все «ратные божества» были по национальности японцами.

Возраст героя

Уважение к старшим по возрасту и положению было глубоко укоренено в массовой психологии. Среди героев Японско-русской войны молодые люди отсутствуют. Все «ратные божества» этого времени были офицерами, их деяния и отношение к жизни должны были послужить примером прежде всего для молодых людей. Иными словами, эти герои выполняли роль наставников и символических отцов в деле воспитания молодого поколения. Офицер должен был соответствовать определению «отец солдатам».

Однако с течением времени в число героев стали попадать и более молодые воины. «Трем героям», этим новобранцам, было по 20 лет. Но они оказались все-таки скорее исключением. Девяти подводникам было от 22 до 29 лет. Летчику Като Татэо в момент гибели было 39 лет, полковнику Ямадзаки — 51 год, Ямамото Исороку — 59 лет. Все они были не призывниками, а профессиональными военными.

Однако в самом конце войны появились совсем молодые «ратные божества» — камикадзе. Командир авиасоединения «Сикисима» Сэки Юкио носил чин капитана и по меркам начала войны был немислимо молод для этого звания — всего 24 года, его подчиненным было по 19–20 лет. Поскольку потери среди летчиков в конце войны были огромными, летный состав сильно помолодел. Сэки Юкио посмертно повысили до звания подполковника, и он стал самым молодым в истории обладателем этого звания.

Социальное и географическое происхождение героев

Все герои Японско-русской войны происходили из семей со сравнительно высоким социальным статусом, были профессиональными военными и имели офицерские чины. Большинство из них происходили из бывших самурайских семей (за исключением Татибана Сюты, который был сыном сельского старосты). О героях этой войны говорили, что они являются современным воплощением самурайского духа (*бусидо*). Публицисты твердили о гомогенности японской нации, но традиционная соотнесенность японца с «малой родиной» остава-

лась мощным фактором самоидентификации и успешной карьеры. В политической и военной элите периода Мэйдзи ведущие позиции принадлежали выходцам из бывших юго-западных княжеств (главным образом Сацума и Тёсю), самурайские представители которых сыграли решающую роль в свержении сёгуната Токугава. Все «ратные божества» Японско-русской войны оказались уроженцами именно юго-западной Японии (в основном с острова Кюсю, с добавлением Хиросимы).

В период Сёва в японском обществе резко возросла вертикальная мобильность. Сказалось это и на армии. «Трех героев» позиционировали уже не как выразителей самурайских идеалов, а как олицетворение «народного духа» (*кокуминдо*). Тем не менее все они по-прежнему оказывались уроженцами Кюсю, хотя в политической жизни к этому времени было уже в значительной степени покончено с засильем выходцев с юго-запада. Однако представление о том, что именно там рождаются (должны родиться!) самые мужественные воины, еще сохранялось. Новым же стало то, что «три героя» были крестьянскими (а не самурайскими) сыновьями, рядовыми, а не офицерами.

Ситуация с географией происхождения героев меняется с началом Восточноазиатской войны. Японско-русская война позиционировалась по преимуществу как столкновение армий, а не народов. Что до Восточноазиатской войны, то считалось, что в ней воюет уже не только армия, но и весь японский народ, и это требовало устранения любых разъединяющих начал. Девять героев-подводников родились в разных деревнях и городках префектур Гумма, Кагосима, Фукуока, Сага, Симанэ, Тоттори, Хиросима, Окаяма и Миэ. В этом списке обращают на себя внимание следующие обстоятельства. Высокое представительство Кюсю (Кагосима, Фукуока, Сага) дополняется выходцем из Хиросимы, но тем не менее, за исключением Гуммы, места рождения всех подводников все равно расположены к юго-западу от Токио. Особо следует отметить Миэ и Симанэ, где расположены древнейшие (фигурируют в мифе) и наиболее почитаемые синтоистские святилища — Исэ и Идзумо. В то же время никто из подводников не родился в крупном городе. Начиная с «трех героев» все «ратные божества» являлись либо выходцами из деревни (таких было большинство), либо уроженцами маленьких городов, не потерявших связи с сельской жизнью. Полковник Ямадзакки тоже родился в деревне (префектура Яманаси). Ни один герой из категории «ратных божеств» не был

уроженцем столицы или других крупнейших городов (Киото, Осака, Кобе и др.).

Таким образом, место рождения героя все еще оставалось важным условием попадания в пантеон «ратных божеств». Тем не менее география происхождения героев этой войны становилась шире. Летчик Като Такэо был выходцем из деревни с острова Хоккайдо, который вошел в состав империи только во второй половине XIX века.

Японский милитаризм полагал своей главной социальной опорой деревню. Именно выходцы из деревни считались лучшими воинами — здоровыми, выносливыми, малоразговорчивыми, послушными. Среди офицеров и генералов было множество крестьянских сынов. В общественном дискурсе достаточно широко распространилось мнение, что столица является носителем упаднической культуры, которая порождает физически слабых, изнеженных и эгоистичных людей, которые не способны стать героями. В связи с этим даже возникла дискуссия, могут ли уроженцы весьма вестернизированного Токио вообще стать «ратными божествами» [Ямамура 2007, с. 292–294]. Ситуация с деревенским происхождением героев не претерпела существенных изменений до конца войны. Хотя пять героев-камикадзе были выходцами из разных частей страны (префектуры Эхимэ, Фукусима, Миядзаки, столичный округ Киото), ни один из них не родился в крупном городе.

Родители героя

Официальная идеология позиционировала государство как огромную семью во главе с императором. Его называли «отцом» японцев, подданных — детьми («младенцами»). Эта мега- (квази-) семья состояла из миллионов «обычных» семей, в которых патриархальный принцип был закреплен законодательно: глава семьи имел огромную власть над ее членами, обладал правом вычеркнуть любого из семейного списка, что превращало того в изгоя. Такая семья составляла базовую ценность государства, без семьи государственный идеологический конструкт существовать не мог. Семейная метафора заполняла общественное сознание и применялась к любым сферам. Видный физик и публицист Тэрада Торахико (1878–1935) отмечал, что японская природа прекрасна, но в Японии случается и множество стихийных бедствий, которые, однако, имеют воспитательный эффект:

«Наша родная японская земля, по которой мы ходим, это, с одной стороны, “мать-земля”, которая возвращает и воспитывает нас с помощью своей глубокой доброты и любви, а с другой стороны, это “строгий отец”, который своим непререкаемым бичом-наказанием окочарачивает наше сердце, которое с такой простотой впадает в легкомыслие. Правильное сочетание строгости отца и доброты матери — только в такой стране возможно высочайшее развитие культуры» [Тэрада 2011, с. 230].

Каждая социальная структура, включая армию, также строилась по семейному принципу. В наставлении новобранцам утверждалось, что солдат должен воспринимать командира части как отца, а командира отделения — как мать [Хэйэй кара. Сукэйти цусин 1926, с. 39–40]. Иными словами, любая социальная структура и любой институт были «обязаны» моделировать семью.

Полная семья была правилом, а не исключением. В публикациях о войнах представлены как отец, так и мать героя. Однако связь между матерью и сыном выявлена в значительно большей степени, чем между сыном и отцом. В тогдашней Японии отцы мало занимались воспитанием детей. Кроме того, фигуру физиологического отца заслоняла фигура командира, приказы которого приравнивались, согласно воинскому уставу, к приказам императора — главного символического отца. В журнале «Народная школа» («Кокумин гакко») эта точка зрения доводилась до напоминающего абсурд логического конца: поскольку отец нации — бог-император, то и каждый японский ребенок является по своему рождению маленьким божеством, которого мать обязана «довоспитать» до состояния «настоящего» божества [Ириэ 2001, с. 168].

Мы встречаем мало текстов, где возносят хвалу физиологическому отцу за воспитание достойного подданного. В то же время таких текстов о матерях великое множество. На матерей смотрели и как на воспитательниц правильной морали, и как на биологических поставщиц будущих воинов. Заведующий отделом в информационном бюро военно-морского флота капитан 1-го ранга (впоследствии контр-адмирал) Хираидэ Хидэо (1896–1948) в радиопередаче «Война и материнство» с военной прямой говорил так: мать важна для нас, поскольку без матери не было бы сыновей, а без сыновей была бы невозможна война (разумеется, «войну» он понимал как несомненное благо) [Ямамура 2007, с. 283].

После смерти «трех героев» их матери становятся объектом повышенного публичного внимания. Газетчики исправно посещали родителей погибших героев. Но если об отцах в их статьях говорилось весьма скупое, то матери занимали корреспондентов намного больше. Матерей превозносили за то, что они сумели воспитать достойных сыновей. В славословиях по адресу героев-подводников настойчиво звучала мысль: их жертвенность — следствие того, что их матери были так же жертвенны по отношению к своей семье (мужу и детям) [Ямамура 2007, с. 277].

Оогуси Тоёо (сотрудник Института народной духовной культуры, выполнявшего роль разработчика официальной идеологии) отмечал, что жертвенность японских матерей настолько всеобъемлюща, что превосходит «рациональное» понимание [Ямамура 2007, с. 281–282]. В то время «рациональность» и «логика» приобрели отрицательные коннотации. Они выдавались за свойства западного материалистического мышления, которому противопоставлялась японская духовность [Мещеряков, Сахарова 2020].

Корреспондент восхищался матерью одного из подводников, утверждая, что она «радуется» тому, что сын погиб в бою и стал «божеством». При этом подчеркивалось, что матери растят сыновей не для себя, а для императора и родины. Таким образом, государство производило операцию по национализации детей. Во время маньчжурского инцидента (1931 г.) бойцы умирали с криком «мамочка!» (*окаатян*). С началом Восточноазиатской войны им предписывалось идти в смертельную атаку с криком «Да здравствует император!» (*тэнно хэйка банзай!*). Однако в реальности они не могли забыть про мать и совмещали оба этих восклицания [Фудзии 2005, с. 166–167]. В любом случае государство использовало мать как «передаточный механизм», который преобразует младенца в послушный инструмент государства.

Обязанность матери — понуждать сына к военным свершениям. В школьном учебнике приводился образчик письма, где мать высказывает сожаление, что сыну не довелось принять участие в кровопролитном сражении. Огорчение матери передалось и ее сыну: он заплакал [Ириэ 2001, с. 152].

В японском варианте героизации усиленно подчеркивается связь героя с родственниками. Однако там полностью отсутствует связь бойца с любимой девушкой (потенциальной родственницей), что так характерно для ситуации на Западе (включая СССР). Судя по публи-

кациям военного времени, находящиеся на фронте бойцы скучают не по ней, а по семье — прежде всего по матери, которой и полагалось писать письма с фронта.

Разумеется, японские юноши не могли не испытывать нежных чувств по отношению к женскому полу, однако они не отражаются в дискурсе военного времени. В нормативных представлениях «чувства» должны проявляться по отношению к тому человеку, с которым у тебя имеются формализованные отношения. При таком подходе понятия «чувство» и «долг» становятся почти синонимами. Любимая девушка не имеет официально закрепленного статуса, а потому не может быть предметом «чувств», у юноши нет перед ней чувства долга. На фронте для смягчения стресса и предотвращения насилий над обитательницами оккупированных территорий были устроены бордели, но их персонал (японки — для офицеров, аборигенки — для солдат) тоже не становился объектом для проявления «чувств».

Герой и смерть

Дискурс военного времени создавал культы живых героев в ограниченной степени. Живой человек не слишком удобен для безудержного прославления — его живые черты препятствуют наведению глянца. Смерть переводит воина в другое качество — он превращается в объект идеализации и поклонения. Уже в период Мэйдзи началась настойчивая пропаганда, что каждый японец обязан быть готов умереть в любую минуту за императора и родину. Во время Японско-русской войны японские бойцы продемонстрировали такую степень жертвенности, которая за границей была воспринята со смесью восторга и ужаса. В 1930-х годах, когда милитаризация сознания поднялась на еще одну ступень, несравненная «духовность» японца стала все больше восприниматься именно как готовность к смерти — качество, которое не в состоянии породить «материалистический» Запад. Сама Япония была страной религиозной, отчасти и теократической (император считался потомком богини солнца Аматаэрасу), гибель героя означала не его исчезновение, а переход в иное измерение. Погибших бойцов часто именовали скопом «подчиненными божествами» или «малыми божествами», имея в виду, что они составляют невидимое глазу окружение главного божества — императора, которого именовали «живым (явленным) божеством» [Кавамура 2007, с. 105–106].

Предполагалось, что смерть за императора вызывает уважение и сострадание сторонних людей. Однако родственникам предписывалось испытывать радость — оттого, что любимый человек достойно выполнил свой долг. В стихотворении Сайсю Ясо под названием «Свидание» (1943 г.) вдова, придя в святилище, мгновенно забывает про потерю и радуется смерти мужа:

Бесчисленные воспоминания, простираюсь
В святилище, сокрытом в чаще.
О! Вот здесь живет душа
Дорогого мужа.

Омытые слезами воспоминания
Высохли без следа. Лицо благополучно
Пережившей бурю японской
Женщины озаряется улыбкой.

[Цит. по: Цубои 2006, с. 26–27]

Обстановка в обществе была такова, что за слезы жены, расстающейся с мужем, который отправлялся на фронт, ее могли подвергнуть осуждению. То же самое касается и слез матерей. В сочинении старшеклассницы сообщалось, что мать одного из «трех героев» не только не пролила ни слезинки по своему погибшему сыну, но «радовалась его смерти в бою», доказав, что она является достойным представителем «японского народа». Женские журналы регулярно публиковали письма матерей своим сыновьям, призывая тех погибнуть за императора. Немудрено, что в такой обстановке даже школьница могла написать незнакомому солдату на фронт такое пожелание: «Я желаю Вам славной смерти» [Симамото 2006, с. 121–125]. Родителям не полагалось оплакивать смерть сына, женам — мужа, что с лихвой компенсировалось обильными, благодарными и умильными слезами, которые проливали вся страна в связи с гибелью героя [Ямамура 2007, с. 222–223].

Героям-смертникам также предлагалось радоваться предстоящей неминуемой гибели. При описании действий «девяти подводников» акцент делался не на самом подвиге, а на том, что перед началом операции герои прекрасно знали, что обречены на смерть. Тем не менее они «радовались»: их души встретятся в святилище Ясукуни

[Ямамура 2007, с. 275]. Сразу после объявления о подвиге по радио прозвучала песня «Уми юкаба» («Если поплывем по морю...»). Ее слова представляли собой начальную часть стихотворения знаменитого поэта Отомо Якамоти (?–785), помещенного в поэтической антологии «Манъёсю» (вторая половина VIII века). «Если поплывем по морю, // Пусть вода поглотит наши трупы. // Если отправимся в горы, // Пусть трава покроет наши трупы. // Умрем подле государя, // Не оглядываясь назад». Такой подход, когда «правильная» смерть героя считается более важным событием, чем его прижизненные поступки (подвиги), наблюдается на всем протяжении Восточноазиатской войны.

После гибели полка Ямадзаки для обозначения массового самоубийства стало широко употребляться словосочетание «разбиться вдребезги, подобно яшме» (*гёкусай*). Эта метафора объясняется следующим образом: яшма хрупка и при ударе рассыпается на красивые осколки, а вот черепица покойно лежит (живет) на своем месте столетиями. Но быть такой черепицей — не для «настоящего» японца.

В 1943 г. Япония потеряла на Алеутском архипелаге не только остров Атту, но и остров Кыску. Гарнизон Кыски под прикрытием тумана успешно эвакуировался, гарнизон Атту был полностью истреблен. О войнах с Кыски японская пресса почти не писала, хотя по всем меркам военного искусства это была успешно проведенная операция, спасшая гарнизон от неминуемой смерти. Однако именно войны с Атту превратились в метафору доблестного служения родине и императору. Специально подчеркивалось, что полковник Ямадзаки не просил командование о подкреплении, боеприпасах, провианте: не задумываясь о таких «мелочах», он принял решение погибнуть. Иными словами, достойная смерть представлялась событием более важным, чем победа над врагом.

После этого события, знаменовавшего собой поворотный момент в ходе войны, индивидуальных героев уже не появлялось. Пресса предпочитала сообщать о коллективных героях-смертниках, погибших в «яшмовых атаках» (американцы называли их «банзай-атаками»). Наиболее ярким проявлением этого культа самопожертвования стали камикадзе.

При описании подвигов «ратных божеств» акцент в освещении их подвигов делался не на военной эффективности героев, а на жертвенности, являющейся высшим проявлением «духа Ямато». В конечном

счете поступки многих героев были нацелены не на то, чтобы победить «врага», а на то, чтобы их жертвенное поведение было высоко оценено «своими». Эти герои были образцом для подражания в части морального поведения. Адмирал Того Хэйхатиро (1848–1934) был командующим объединенным флотом во время Японско-русской войны, и после Цусимского сражения его признали главным триумфатором этой войны. Однако образ Ноги Марэсукэ, победы которого обладали меньшей убедительностью (повторим, что взятие Порт-Артура сопровождалось огромным количеством жертв), получил после своей «самурайской» смерти гораздо более широкое признание.

Если посмотреть ретроспективно, жажда смерти была явлением сравнительно новым. В обозримом прошлом ранняя смерть отнюдь не приветствовалась. В период Токугава считалось, что молодой человек должен следить за своим здоровьем — чтобы жить долго и иметь возможность заботиться о престарелых родителях. Однако сейчас более важным считалось служение императору, а не родителям. В школьном учебнике в уста матери влагались такие слова, обращенные к сыну: содержи свое тело в здоровье — чтобы умереть не от болезни, а от пули [Ириэ 2001, с. 160].

В понятие служения императору и родине входила всеобщая воинская повинность и «добровольная» смерть на поле боя. Известный писатель Ёсикава Эйджи (1892–1962) прямо утверждал, что героическая смерть на благо родины и является выполнением сыновнего долга [Ямамура 2007, с. 289]. Такой подход был следствием произошедшей к этому времени полной «национализации» тела японца [Мещеряков 2009].

Постоянно подчеркивалось, что японцы должны гордиться готовностью к смерти перед западными людьми. После того как были организованы отряды, состоявшие из добровольцев — смертников-камикадзе, газета писала, что сама готовность этих людей умереть означает «победу над врагом в духовной войне» («Асахи», 5 февраля 1945 г.). Иными словами, безнадежно проигрывая «материальную» войну, Япония стала вести другую войну с другими правилами, в которой враг попросту не участвовал.

Война приносила множество смертей (погибло около трех миллионов японцев). В Японии с давних времен укоренилась кремация, отпевание проводилось буддийскими священнослужителями. Во время «заморской» войны, которую вела Япония, кремация осуществ-

лялась на фронте, а прах доставлялся родственникам на малую родину. В действительности полную кремацию удавалось осуществить далеко не всегда, и тогда родственникам присылали пепел, оставшийся после сожжения части тела (например, кисти руки). Прядь волос и обрезки ногтей покойного также могли служить символическим заменителем праха. В крайнем случае в ящик, в котором должна была находиться урна с прахом, могли положить горсть земли с места боя. Но захоронение всегда старались производить на малой родине бойца. Похоронные ритуалы производились по буддийскому или синтоистскому чину (последний был достоянием недавнего времени). Они были призваны умиротворить душу покойного. Устраивались и траурные собрания с участием посторонних. На таких собраниях, как свидетельствуют газетные отчеты, сторонние люди часто проливали чистые и прекрасные слезы умиления. При виде процессии по случаю похорон девяти подводников (их тела покоились на морском дне, заменителем служили личные вещи героев) «горожане снимали головные уборы и плакали. Плакали все, было невозможно не заплакать. Молодые цветы, осыпавшиеся в гавани Перл-Харбора, сердца девяти ратных божеств — прекрасных воинов, погибших верноподданически, — вот что воодушевляет наш стомиллионный народ. Спасибо за то, что вы сделали — неудержимые слезы, вскипающие в груди» («Токё нитинити симбун», 9 апреля 1942 г.).

Писательница Ёсия Нобуко (1896–1973) поместила в этом же номере свои впечатления от происходившего. Она подчеркивала эстетическую сторону похорон: «Убранство места захоронения, сама церемония и все остальное несло на себе печать простоты, свойственной истинно японскому духу — статуя Будды из некрашеного дерева, никакого украшательства, никакой помпезности. Происходи это в Америке или Англии, катафалк был бы завален цветами, люди — с напускной важностью на лице, раздражающая музыка, церемонии, напоминающие балаган, — словом, театрализованное представление. У нас в Японии все по-другому. Именно поэтому девять ратных богов были рождены в нашей стране. Военные чины из других стран, занимавшие места впереди нас, были наверняка поражены простотой похорон этих величайших воинов. Однако и они в самом скором времени прониклись осознанием истинной красоты сегодняшних похорон».

Образцовые качества погибшего героя должны были послужить примером беззаветного служения императору и родине. В то же время

призывы отомстить врагу на похоронах не раздавались. На похоронах хоронили покойного, а не врага. Целью траурных собраний было умиротворение души погибшего. Встреча праха на родине именовалась «безмолвным триумфом». Для возгонки ненависти использовались другие возможности. В частности, одним из самых распространенных массовых действий были марши, которые проходили под общим лозунгом «Атакуй всегда!» (*утитэси ямаму*). В газетных отчетах подчеркивалось, что люди на этих маршах загорались ненавистью к врагу [Кавамура 2007, с. 107–125]. После гибели Ямамото Исороку и гарнизона Атту газетные статьи выходили, в частности, с такими заголовками: «Дайте оружие, чтобы отомстить врагу!»; «Решительно отомстим врагу! Таково яростное желание нашего народа»; «Разобьем Америку и Англию! Продолжим дело Исороку! Атакуй всегда! Жаркая ненависть ста миллионов»; «Мечь за Атту. Атака ста миллионов. Дайте фронту снаряды! Приложим усилия для повышения боеспособности страны!» [Ямамура 2007, с. 313].

Заключение

Основным военным дискурсом Японии было самоописание. Газеты, журналы и книги изображали не столько такую войну, в которой участвуют противоборствующие стороны, сколько японцев во время войны — их борьбу, которая понималась прежде всего как борьба с самими собой. Художественные фильмы воспевали по преимуществу те трудности, трагедии и тяготы, с которыми сталкивался японский солдат на фронте. Американский антрополог Рут Бенедикт в своей нашумевшей книге «Хризантема и меч» писала впоследствии, что по американским стандартам «счастливого конца» японские фильмы следует считать антивоенными [Бенедикт 2004, с. 136].

Лозунги военного времени призывали бороться прежде всего с самим собой. Японца призывали бороться с ослаблением национального духа и с индивидуализмом, его призывали к терпению и послушанию, то есть острое пропагандистского жала было направлено внутрь, а не вовне. Когда школьнику задали на экзамене вопрос, каковы его задачи во время войны, он отвечал: «Никогда не думать о победе в сражениях — находясь среди людей в тылу, прилагать максимальное старание». Ответ был признан правильным [Яманака 2004, с. 168]. По сравнению с Японско-русской войной был сделан «шаг

вперед»: на тех пропагандистских плакатах можно было увидеть русских воинов (хотя они могли быть изображены и карикатурно), теперь же на плакатах изображали почти исключительно японцев, которые выполняют свой долг.

Для того чтобы обрести статус общенационального героя во время Второй мировой войны, требовался определенный набор желательных свойств. Для японского типа героя типическими являются следующие характеристики: мужчина, японец, беспартийный, кадровый военный, уроженец деревни или маленького города, выходец из полной семьи, обладатель высоких моральных качеств, основные из которых — преданность императору/родине и готовность к смерти. При этом нанесение ущерба врагу не является обязательным условием. Вышеуказанные характеристики героев обусловлены как конкретными обстоятельствами, в которых велась война, так и культурно-идеологическими особенностями Японии.

БИБЛИОГРАФИЯ

Бенедикт 2004 — Бенедикт, Р. *Хризантема и меч. Модели японской культуры*. Москва: Росспэн, 2004.

Ириэ 2001 — Ириэ Ёко. *Нихон га kami но куни датта дзидай. Кокумин гакко но кёкасё о ёму* [Время, когда Япония была страной богов. Читая учебники народной школы]. Токио: Иванами, 2001.

Кавамура 2007 — Кавамура Кунимицу. *Сэйсэн но иконогурафи* [Иконография священной войны]. Токио: Сэйкюся, 2007.

Мещеряков 2009 — Мещеряков А. Н. *Быть японцем. История, поэтика и сценография японского тоталитаризма*. Москва: Наталис, 2009.

Мещеряков 2020 — Мещеряков А. Н. *Хага Яити и его «Десять этюдов о национальном характере»*. *Orientalia et Classica LXXII*. «История и культура Японии». Вып. 12. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. С.201-214.

Мещеряков, Сахарова 2020 — Мещеряков А. Н., Сахарова Е. Б. Антропоморфизация японского государства и его эмоциональная жизнь (вторая половина XIX в. — 1945 г.). *Вопросы философии*. 2020. № 1. С. 180–194.

Симамото 2006 — Симамото Ясуко. *Сэнсо дэ сину то ю кото* [Смерть на войне]. Токио: Иванами, 2006.

Тэрада 2011 — Тэрада Торахико. *Дзуйхицусю* [Собрание эссе]. Т. 5. Токио: Иванами, 2011.

Фудзии 2005 — Фудзии Тадатоси. *Кокубо фудзинкай. Хи но мару то каттоги* [Женская ассоциация защиты родины и фартук]. Токио: Иванами, 2005.

Хэйэй кара. Сукэтти цусин 1926 — *Хэйэй кара. Сукэтти цусин* [Изобразительные вести из военного лагеря]. Токио: Гундзи кёйкуся, 1926.

Цубои 2006 — Цубои Хидэто. Дзёдзё то сэнсо [Лирика и война]. *Доин, тэйко, ёкусан* [Мобилизация, сопротивление, концентрация сил]. Токио: Иванами, 2006.

Ямамура 2007 — Ямамура Кэнтоку. *Гунсин. Киндай нихон-га унда эйютати-но кисэки* [Ратные божества. По следам героев, которых породила современная Япония]. Токио: Тюокоронся, 2007.

Яманака 2004 — Яманака Хисаси. *Кодомотати-но тайхэйё сэнсо. Кокумин гакко-но дзидай* [Дети и Тихоокеанская война. Период народных школ]. Токио: Иванами, 2004.

REFERENCES

Benedict, R. (2004). *Hzizantema i mech* [The Chrysanthemum and the Sword]. Rosspen. (In Russian)

Fujii, T. (2005). *Kokubo fujinkai. Hi no maru to kappogi* [Women's Association for the Defense of the Motherland and Apron]. Iwanami. (In Japanese).

Heiei kara. Sukecchi tsushin [Picture Letters from Military Camp] (1926). Gunji kyoikusha. (In Japanese).

Irie, Y (2001). *Nihon ga kami no kuni datta jidai. Kokumin gakko no kyokasho wo yomu* [The Time when Japan Was the Land of the Gods. Reading People's School Textbooks]. Iwanami. (In Japanese).

Kawamura, K. (2007). *Seisen no ikonoguraphi* [Iconography of the Holy War]. Seikyusha. (In Japanese).

Meshcheryakov, A. N. (2009). *Byt' yaponsem. Istoriya, poetika i stsenografiya yaponskogo totalitarizma* [Being the Japanese. History, Poetics and Scenography of Japanese Totalitarianism]. Natalis. (In Russian).

Meshcheryakov, A. N. (2020). Haga Yaiti i ego "Desyat' etyudov o nacional'nom haraktere" [Haga Yaichi and His "Ten Etudes on National Character"]. In *Orientalia et Classica I (LXXII), Istoriya i kul'tura Yaponii, Vol. 12*. (pp. 201-214). Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki. (In Russian).

Meshcheryakov, A. N. & Saharova, E. B. (2020). Antropomorfizatsiya yaponskogo gosudarstva i ego emotsional'naya zhizn' (vtoraya polovina XIX v. — 1945 g.) [Anthropomorphization of the Japanese State and Its Emotional Life (Second Half of the 19th Century — 1945)]. *Voprosy filosofii*, 1, 180-194. (In Russian).

Shimamoto, Y. (2006). *Senso de shinu to iyu koto* [Death in War]. Iwanami. (In Japanese).

Terada, T. (2011). *Zuishetsushu* [Collection of Essays], Vol. 5. Iwanami. (In Japanese).

Tsuboi, H. (2006). Jojo to senso [Lyrics and War]. In A.Kurasawa et al (Eds). *Doin, teiko, yokusan* [Mobilisation, resistance, concentration of force]. Iwanami. (In Japanese).

Yamamuro, K. (2007). *Gunshin. Kindai nihon ga unda eiyutachi no kiseki* [Military Gods. Tracing Heroes Born by Modern Japan]. Chuokoronsha. (In Japanese).

Yamanaka, H. (2004). *Kodomotachi no taiheiyo senso. Kokumin gakkō no jidai* [Children and Pacific War. The Period of People's School]. Iwanami. (In Japanese).